

УДК 340.12

**ВЗГЛЯДЫ П. И. НОВГОРОДЦЕВА И Г. РАДБРУХА
НА ДЕМОКРАТИЮ:
СРАВНИТЕЛЬНО-КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Н. А. Шавеко

*Удмуртский филиал Института философии
и права УрО РАН (г. Ижевск)*

Поступила в редакцию 6 июня 2018 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению взглядов двух выдающихся философов права неокантианского направления – П. И. Новгородцева и Г. Радбруха – на демократию, выявление их сходств и отличий, достоинств и недостатков. Исследование проведено в соответствии с важнейшими методами историко-правового познания: историко-генетический, историко-сравнительный, формально-юридический, системный. Впервые систематическому исследованию подвергаются взгляды Г. Радбруха на демократию, а также проводится сравнение теоретических построений П. И. Новгородцева и Г. Радбруха, анализируется зарубежная научная литература. Статья содержит теоретическое осмысление проблем, с которыми сталкивается реализация идеи демократии в современном обществе.

Ключевые слова: неокантианство, Новгородцев, Радбрух, философия права, демократия.

Abstract: the article is devoted to the views on democracy of two prominent philosophers of the neo-Kantian philosophy of law – P. I. Novgorodtsev and G. Radbruch, identifies their similarities and differences, advantages and disadvantages. The study was conducted in accordance with the most important historical and legal methods: historical-genetic, historical-comparative, formal-legal, systematic. The article for the first time systematically studies the views of G. Radbruch on democracy, the first time compares theoretical constructions of P. I. Novgorodtsev and G. Radbruch, analyzes the international scientific literature. The article contains a theoretical understanding of the problems faced by the implementation of the idea of democracy in contemporary society.

Key words: neo-Kantianism, Novgorodtsev, Radbruch, philosophy of law, democracy.

П. И. Новгородцев и Г. Радбрух – два выдающихся философа права неокантианского направления первой половины XX в. В отечественной литературе П. И. Новгородцев известен своим анализом феномена демократии и его конструктивной критикой. Демократия, по П. И. Новгородцеву, мыслится как относительный идеал, т. е. форма правления, при определенных условиях отвечающая требованиям абсолютного идеала. В свою очередь Г. Радбрух как демократический мыслитель в нашей литературе совершенно не исследован, так как соответствующие его труды не переведены на русский язык. Несмотря на то что Радбрух в отличие от Новгородцева релятивизировал проблему правового идеала и поставил

ее разрешение в зависимости от ценностей, истинность которых доказать нельзя, демократия, по Г. Радбруху, является абсолютной ценностью, так как стоит над этим релятивизмом и обеспечивает ценностный выбор каждого гражданина. В творчестве Г. Радбруха можно найти множество положений, которые по своей сути представляют контраргументы к критике демократии со стороны П. И. Новгородцева.

Демократические идеи П. И. Новгородцева

П. И. Новгородцев строит критику демократии на анализе теории общественного договора Ж. Ж. Руссо, суть которой, по мнению российского ученого, состоит в обосновании верховенства общей народной воли и наиболее полно выражающей эту волю непосредственной демократии.

При этом, как известно, Ж. Ж. Руссо различал общую волю и волю всех, подчеркивая, что общая воля есть полное единодушие членов общества и гармония интересов, а не простой результат подсчета голосов. Вот почему при голосовании в народном собрании у граждан «спрашивают вовсе не о том, одобряют ли они предложение или отвергают его, а о том, согласно ли это предложение с общей волей, которая есть и их воля». Задача голосующего – не выразить свое частное мнение, а отгадать содержание общей воли, и, по мнению Ж. Ж. Руссо, естественно, предположить, что общая воля будет правильнее понята именно большинством¹. Таким образом, принятие решения большинством голосов является лишь средством определения объективно справедливого правила для конкретной ситуации (общая воля, по Ж. Ж. Руссо, априори справедлива и постоянна и представляет собой лишь формальную схему, голый принцип действия), и уместность этого средства, как показывает П. И. Новгородцев, можно оспаривать. Приведенные положения учения Ж. Ж. Руссо, с учетом последующей критики этого учения в части теории народного суверенитета и непосредственной демократии, делают возможным последующее развитие данного учения в русле кантианского подхода к правовому идеалу.

Уже сам Ж. Ж. Руссо, по П. И. Новгородцеву, осознавал многие трудности своей доктрины. Во-первых, полное согласие интересов и единодушные воля «возможно лишь в мечте и идее, но невысказано в действительности»². Поэтому французский мыслитель требовал полного (всеобщего) согласия граждан только в отношении договора о создании общества³. Во-вторых, Ж. Ж. Руссо отстаивал необходимость периодических народных собраний, но видел существенные трудности в реализации этой идеи «если государство не будет слишком мало» (велики затраты времени, денег, организационных и других ресурсов); вместе с тем малому государству чрезвычайно сложно защищаться от внешних опасностей, если не изменить радикальным образом всю мировую систему⁴.

---

¹ См.: *Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания* // Новгородцев П. И. Избранные труды. М., 2010. С. 59–60.

² Там же. С. 57.

³ См.: *Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре*. М., 1938. С. 92.

⁴ См.: Там же. С. 39.

Последующее развитие просвещенной мысли, показывает П. И. Новгородцев, выявило и другие недостатки теории общественного договора Ж. Ж. Руссо. Так, во времена Великой французской революции встал вопрос о том, действительно ли общественное мнение является лучшим выразителем общественной воли. Поскольку у людей той эпохи была «вера в спасительную силу политических учреждений», была активно воспринята идея представительной демократии в духе Ш. Л. Монтескье, согласно которой «политики по призванию» лучше понимают интересы народа, чем сам народ (у них есть соответствующее образование и время для изучения специальных вопросов и, кроме того, материальная независимость), хотя при этом не забывается роль гражданского согласия для стабильности общества (морального одобрения обществом правовых установлений)⁵. Г. Гегель писал: «В общественном мнении заключено все ложное и истинное, найти в нем истинное есть задача великого человека»⁶. Но если это так, то главным оказывается не мнение народа, а нечто, стоящее над ним. «Будучи по способу своего образования более пассивным, чем активным, общественное мнение, во-первых, не может быть прочным и устойчивым, во-вторых, не может быть определенным и ясным и, в-третьих, не может охватывать область политических вопросов во всей полноте их практической постановки»⁷.

В то же время критика возможна и в адрес представительной демократии. Здесь П. И. Новгородцев отмечает, что способность депутата понять и найти народную волю нуждается в доказательстве, в частности должен быть выявлен критерий этой народной воли. Дебаты, происходящие в парламенте, могут привести к компромиссу, которого изначально не желал ни один избиратель и ни один депутат, и такое подобие «народной воли» будет явно «созданным», а не «найденным» или «понятым»⁸.

Особого внимания мыслителя удостоились также следующие проблемы:

1. Дискуссионность выбора оптимального избирательного ценза (права на голос при выборах представительного органа); выражение в процессе выборов воли только более деятельной (голосующей и агитирующей) части народа; кроме того, депутаты представляют лишь меньшинство населения, если на выборы явилось меньше половины избирателей, а принимающее решения большинство депутатов, будучи лишь частью депутатского корпуса, представляет и того меньшее число людей; неучет мнения чуть ли не большинства избирателей при мажоритарной избирательной системе (не говоря уже о джержимендеринге); несовершенство методов распределения мест в парламенте по результатам голосования при пропорциональной избирательной системе; – в итоге парламент априори не отражает мнения большинства населения.

⁵ См.: Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. С. 43, 96–131.

⁶ Гегель Г. В. Философия права / Соч. М. ; Л., 1934. Т. 7. С. 338–339.

⁷ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. С. 141.

⁸ См.: Там же. С. 167.

2. Необходимость выбора лишь между несколькими партиями или кандидатами, программы которых могут быть одинаково далеки от воли избирателя, и при этом строгая дисциплина внутри партий, господство партийной «машинь», деспотизм партийных комитетов, препятствующие свободному волеизъявлению народных избранников; – в итоге воля народа заменяется волей партии или ее руководства.

3. Предварительное формирование общественного мнения немногими лицами; победа при голосовании воли, которой лишь удается выдать себя за волю большинства; скорее формирование, чем отражение народной воли парламентом; обусловленное объективными причинами смещение центра политической жизни из парламента в правительство; – в итоге властные решения принимаются лишь немногими лицами, и отнюдь не экспертами.

4. Отсутствие голосования за конкретную тактику той или иной партии, сосредоточение внимания только на целях (программе) партии; скорее отрицающий те или иные конкретные действия, чем предписывающий их характер общественного мнения; – иными словами, априорная аморфность, изменчивость и неясность общественного мнения.

Изложенное демонстрирует, что представительство имеет «самостоятельное и даже руководящее значение по отношению к общественному мнению», а «представительные учреждения... слишком склонны превращаться в особое сословие, в касту, которая вместо общественных интересов блюдет лишь свои собственные»⁹. К этому, как представляется, нужно добавить проблему лоббизма.

«Невозможно, – пишет Новгородцев, – точно и неискаженно выражать то, что само по себе неясно и неопределенно. Точно так же нельзя ожидать, чтобы при огромном влиянии партий... народная воля отражалась в представительстве в своем неприкосновенном виде»¹⁰. Но мы можем пойти дальше и спросить: действительно ли представители народа лучше, чем сам народ, знают его подлинные интересы? Депутат обладает временем, средствами, образованием, чтобы профессионально выявлять общую волю, но где гарантия того, что он будет это делать?

Тем не менее русский ученый ценит достижения современной представительной демократии, отмечая, что между старым и новым олигархизмом лежит целая пропасть, а исполнительная власть в Англии тем больше независима от парламента, чем непосредственное ее связь с народом. И всё же, представительство остается только средством, которое даже в своем совершенном воплощении может оказаться негодным. Больше надежд П. И. Новгородцев возлагает на такую форму непосредственной демократии, как референдум. Противники референдума, отмечает ученый, говорят о том, что представители более способны отразить народные интересы; сторонники референдума не всегда отрицают это, но тогда выше, чем народные интересы, ценят народное мнение, потому

⁹ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. С. 152–153, 182.

¹⁰ Там же. С. 155.

что решение, не согласное с этим мнением, обречено на фиаско. Новгородцев решает эту проблему следующим утверждением: «Количество интересов – не принцип, но это фактор, с которым приходится считаться»¹¹.

По нашему мнению, здесь уместно вспомнить критику института выборов представительного органа, которую можно отнести и к референдуму: во-первых, народное мнение аморфно и неопределенно (поэтому на референдум выносятся вопросы с заранее установленными четкими вариантами ответов, которые могут и не отражать реальные взгляды голосующего и которые неизбежно разрабатываются специалистами, а не народом); во-вторых, народное мнение случайно и непостоянно, подвержено пропаганде и внушению, в итоге оно встает на сторону тех, кто имеет время, деньги и желание вести агитацию; в-третьих, на референдум может явиться менее половины имеющих право голоса, к тому же не ясно, кому следует предоставить это право; в-четвертых, на референдум выносятся только общие вопросы о целях, а не специальные вопросы о средствах (между тем цель не всегда оправдывает средства). Наконец, добавим, в-пятых, референдум требует больших финансовых затрат и не может проводиться часто. Таким образом, референдум далеко не всегда отражает реальное народное мнение (которое по обсуждаемому вопросу вообще может отсутствовать). Конечно, он не всегда выражает подлинный народный интерес. Получается, что аргументы против референдума практически те же, что и аргументы против выборного представительного органа.

Для П. И. Новгородцева безусловно то, что проблема справедливого избирательного права и совершенного представительного учреждения полностью никогда не разрешится. Мы можем развивать внепарламентскую народную инициативу, но «какие бы новые изменения ни пережили современные конституции, никогда они не приведут к торжеству идеи общей воли, совмещающей в гармоническом единстве желания всего народа»¹².

Демократия, по П. И. Новгородцеву, не должна быть предметом страха или поклонения, она изменчива и не вечна. Она есть лишь средство для установления справедливости, она «сильна только тогда, когда над ней стоит справедливость», при этом народная воля как синоним справедливости сводится к «некоторым идеальным принципам», которые единогласно одобрили бы все разумные существа, а не к большинству голосов; вообще «и большинство, и меньшинство одинаково могут быть неправы». Главное, чем может и должно быть ограничено государство при принятии законов, чтобы не отождествляться с фактической силой, это общее осознание неотчуждаемых прав человека, непосредственно вытекающих из правового идеала¹³. Много позже О. Хёффе сказал: «Демократия, до-

---

¹¹ Там же. С. 236.

¹² Там же. С. 206–208.

¹³ См.: Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. № 5 (75). С. 512–515.

пускающая решения большинства даже по вопросам основополагающих прав человека, наносит ущерб своей легитимности»¹⁴.

Итак, стремление к фактическому единогласию народа есть химера, принятие решения большинством голосов может быть годным или негодным средством достижения справедливости, критерии же определения достойных лиц, призванных решать за весь народ, спорны (в древности таким критерием была старость, но сейчас взгляды изменились). Поэтому единственным выходом является формулировка «идеальных принципов», и далее поиск и совершенствование тех средств, которые при данных условиях позволяют лучше реализовать данные принципы.

Принимая во внимание сказанное, П. И. Новгородцев положительно относится к тому, что демократия стала ассоциироваться с идеей правового государства и прав личности: «С этой точки зрения демократия означает возможно полную свободу личности, свободу ее исканий»¹⁵. Такое понимание демократии логически предполагает права не только большинства, но и меньшинства, и в отстаивании прав меньшинств русский ученый солидаризируется с Рузвельтом: каждый человек должен иметь одинаковую с другими стартовую возможность проявить свою сущность»¹⁶. В этом мыслитель видит зрелость демократической идеи (свобода и равенство), переход от демократии политической к демократии социальной¹⁷. Правовое государство, по его мнению, подразумевает государство социальное¹⁸. Так, «государство должно стремиться по возможности дать всем равные стартовые возможности, без чего равенство перед законом является юридической фикцией»¹⁹, одновременно «во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления»²⁰.

Взгляды П. И. Новгородцева на демократию встретили некоторую оппозицию в трудах С. И. Гессена. Последний был убежден: «Народоправство есть необходимое предположение личной свободы»²¹. Таким образом, демократия претендует на роль абсолютного идеала. «Очевидно, – пишет С. И. Гессен, – что действительная свобода личности будет обеспечена не тогда, когда законы будут писаться небольшой, блюдущей свои инте-

---

¹⁴ Хёффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М., 2015. С. 79.

¹⁵ Новгородцев П. И. Демократия на распутье // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923. С. 96.

¹⁶ См.: Новгородцев П. И. Об общественном идеале // Новгородцев П. И. Избр. труды. М., 2010. С. 402.

¹⁷ См.: Новгородцев П. И. Демократия на распутье. С. 98–105.

¹⁸ См.: Баскин Д. А., Баскин Ю. Я. Павел Иванович Новгородцев (из истории русского либерализма). СПб., 1997. С. 31.

¹⁹ Соловьев К. А. Павел Иванович Новгородцев // Новгородцев П. И. Избр. труды. М., 2010. С. 8.

²⁰ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Соч. М., 1995. С. 322.

²¹ Гессен С. И. Политическая свобода и социализм // Гессен С. И. Избр. соч. М., 1999. С. 143.

рессы группой лиц, но лишь тогда, когда законодательная власть будет находиться в руках всего народа»²². Это воззрение вряд ли можно считать верным, ведь и законы, составленные небольшой группой лиц, могут отвечать интересам народа и идеалам свободы и равенства: в конце концов, парламенты цивилизованных стран представляют собой такие же небольшие группы лиц, и ни один гражданин не вправе напрямую, вне парламента, повлиять на тот или иной закон. Если же мы говорим о выборности парламентариев, то и она не всегда отвечает идеалам свободы и равенства, например победа Национал-социалистической партии в Германии в свое время привела к тоталитаризму, и в подобных случаях ограничения избирательных прав могут быть обоснованы сохранением всем равной, максимально возможной свободы.

Демократические идеи Г. Радбруха

Перейдем к разбору демократических взглядов Г. Радбруха. Немецкий философ права считал основной «идеей права» справедливость, поясняя при этом: «из понятия справедливости вытекает, что равные требуют равного обращения, а различные – соразмерно различиям между ними. Но оба эти вопроса остаются открытыми: кого следует рассматривать в качестве равных или различных и как с ними обращаться? Справедливость определяет лишь форму права. Чтобы выяснить содержание права, необходимо дополнительно ввести понятие целесообразности». Какова же цель права? «В сфере эмпирического познания мира существуют лишь три вида предметов, которые могут быть опосредованы абсолютной ценностью. Это – отдельные человеческие личности, человеческие личности в целом и результаты человеческого труда. Приняв основу этих благ за ценностный критерий, мы можем выделить три различных вида ценностей: индивидуальные ценности, коллективные ценности и творческие ценности (*Werkwerte*)». «Резюме конечных целей одним словом: для индивидуалистической точки зрения – свобода; для надындивидуалистической – нация; для трансперсональной – культура»²³. С индивидуалистической точки зрения творческие и коллективные ценности стоят на службе у ценности личности: культура – лишь средство формирования личности, государство и право – лишь учреждения, защищающие и стимулирующие индивида. С надындивидуалистической точки зрения нравственность и культура – на службе государства и права. С трансперсональной точки зрения нравственность наряду с правом и государством – на службе культуры.

Следует отметить, что в более ранних работах Радбрух различает только персоналистскую и трансперсоналистскую установки, смешивая последнюю с коллективизмом. Трехчастное деление появилось позднее²⁴. В немецкой юридической литературе в качестве альтернативной ценности предлагалась также окружающая среда как жизненный мир живот-

---

²² Там же. С. 141.

²³ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 64–65, 69.

²⁴ См.: Радбрух Г. Введение в науку права. М., 1915. С. 7.

ных²⁵. Исходя именно из трехчастного деления взглядов на целесообразность Радбрух осуществляет классификацию политических партий.

Партии индивидуалистического толка пытаются найти «золотую середину» между крайним эгоизмом (который оборачивается в конечном счете анархизмом, как у Штирнера) и его противоположностью в виде абсолютной нравственности, которой право может способствовать, но не добиваться. Интересно отметить, что Радбрух выделяет воззрения, согласно которым «право должно стимулировать нравственность»²⁶. Либерализм и демократия, по Радбруху, стремятся сделать возможной нравственность, но если демократия ориентируется на моральные взгляды большинства и их претворяет в жизнь, то либерализм придает ценность также и позициям меньшинств. Здесь же ученый выделяет социальный индивидуализм, стремящийся сгладить фактические неравенства между людьми с целью обеспечения их реальной свободы. Политическая деятельность Радбруха позволяет говорить о его симпатии к социальному индивидуализму, однако прямо автор эту симпатию не проявляет. Спор между либерализмом и демократией он разрешает утверждением, что постулаты «решает большинство» (демократия) и «уважай чужое мнение» (либерализм) должны в равной мере войти в сознание политического истеблишмента²⁷. Что касается заявленной Радбрухом роли нравственности в праве, то следует вспомнить, что именно в нравственности ученый видит ценность личности. Поэтому, продолжая логику Радбруха, можно предположить, что индивидуалистически ориентированные партии должны были бы допускать внешнюю свободу только в той мере, в какой она способствует нравственности (внутренней свободе). Например, пишет ученый, угроза «духовному здоровью» ребенка может привести к предписанию о воспитании его в детском доме, т. е. к ограничению свобод²⁸, а Веймарская конституция содержала выражение «собственность обязывает». Хотя, конечно, право стимулирует нравственность чаще именно предоставлением, а не ограничением свободы.

Надывидуалистические воззрения выражаются консервативными партиями, для которых индивида следует наделять свободой только в той мере, в какой это необходимо в интересах нации, государства или общества как целого организма. Отсюда свобода может быть неравной у различных сословий. На примере фашистской Италии Радбрух отмечает, что подобная идеология может исказиться в целях установления диктатуры. Этот факт следует отнести к социологическим, на философском же уровне Радбрух не развивает свою позицию по отношению к надывидуализму. Проблема в том, что если указанная идеология, как выражается мыслитель, представляет собой «свободу без равенства», то

---

²⁵ См.: *Adahi H.* Die Radbruchsche Formel. Eine Untersuchung der Rechtsphilosophie Gustav Radbruchs. Baden-Baden, 2006. S. 72.

²⁶ *Радбрух Г.* Философия права. С. 76.

²⁷ См.: *Klein M. D.* Demokratisches Denken bei Gustav Radbruch. Berlin, 2007. S. 214.

²⁸ См.: *Радбрух Г.* Философия права. С. 50.

не нарушается ли при этом основной принцип справедливости – «равным за равное»? Радбрух, как сказано выше, допускает также воздаяние «неравным за неравное» при условии, что ни один человек не будет восприниматься исключительно как средство. По сути, таким образом, как и впоследствии Дж. Ролз, Радбрух оправдывает «иерархические общества Востока». В то же время Радбрух мимоходом называет надындивидуалистические идеологии иррациональными («в историческом или религиозном смысле»), ибо сила нации важна сама по себе, а не для реализации какой-либо программы²⁹. И разрешение этой двусмысленности, как видится, было бы более значимым, чем разрешение дихотомии либерализма и демократии (ибо относительная ценность демократических механизмов и необходимость учета прав человека уже были показаны другими авторами ранее, начиная от Милля и Токвиля). Некоторые исследователи настаивают, что Радбрух подчеркивал более прогрессивный характер индивидуализма перед коллективизмом³⁰.

Наконец, ученый выделяет политический католицизм, который может встать на сторону и индивидуалистических, и надындивидуалистических воззрений. «Поскольку трансперсонализм в собственном смысле связывает индивидуалистический и надындивидуалистический элементы друг с другом, он может стать фоном (личной) системы взглядов, определяющей партийную идеологию. Однако нет ни одного государства, которое создавалось бы по принципу трансперсонализма»³¹. Культура не является, по Радбруху, целью партий самих по себе – это скорее то, что получается посредством служения партий личности или нации.

В свойственном демократии «господстве масс» Радбрух не видит ничего предосудительного и заботится больше о том, чтобы крупные капиталисты не могли манипулировать массой посредством подкупа прессы и тому подобных мер. Масса, согласно Радбруху, способна поднять индивида над самим собой и помочь ему совершить то, что он один сделать был не в силах. Поэтому демократия противопоставляется либерализму не как деградация, а как возможность культурного развития массы в общество (народ), а индивида – в личность (в свою очередь, «общество нуждается в личности») ³². Конечно, масса таит в себе и опасность демагогии. Но демократическая форма тем и ценна, что она представляет собой не господство большинства, а скорее лучшую процедуру отбора лидеров («господство лидеров, пользующихся доверием большинства»): лучшую в том смысле, что в демократиях вероятность репрезентативности воли масс выше, чем в недемократиях.

Лидер (фюрер) не должен, однако, стоять выше партий и перестраивать государственный аппарат так, чтобы без фюрера он не мог бы

²⁹ См.: Там же. С. 82.

³⁰ См.: *Малишев Б.* Категорії «ціль права» та «доцільність права» у праці Густава Радбруха «Філософія права» // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Юридичні науки. Випуск 86. С. 60.

³¹ *Радбрух Г.* Философия права. С. 72.

³² См.: *Klein M. D.* Op. cit. S. 196–202.

функционировать, развалившись как карточный домик без опоры. Речь вообще не о каком-то единственном гении, а о хороших «среднестатистических управленцах» в правительстве при сохранении демократической формы³³. Правительство также не должно отклоняться от позиции фракции, которая его формирует. Вместе с тем оно свободно действует, пока имеет доверие парламента, и не должно подвергаться мелочной опеке со стороны последнего. В свою очередь такие формы непосредственной демократии, как плебисцит, далеко не всегда идут на благо народу (Радбрух отдает явное предпочтение представительной демократии и парламента, ибо важно не мнение народа по частным вопросам, а работа лидеров, отражающих общие политические ценности народа).

В итоге Радбрух называет демократию и толерантность «несомненным благом»³⁴, а вовсе не относительным (как у Новгородцева). Правовед считает партии важнейшим и неизбежным атрибутом демократической системы: каждый гражданин должен отдать предпочтение какой-либо из существующих партий (даже если она не в полной мере отражает его убеждения – политика есть сфера компромиссов) или создать свою, иначе он представляет своего рода партию «против всех», а такая позиция чревата непостоянством и неопределенностью политического развития³⁵; выражение народного суверенитета возможно только через партии, которые, в свою очередь, вместе с правительством обратно влияют на народ.

Как мы видим, Г. Радбрух, по сути, отрицает большинство аргументов, выдвинутых П. И. Новгородцевым в пользу тезиса об относительной ценности демократии. Избранные лидеры представляют весь народ, а не конкретных избирателей, поэтому не следует вести подсчет, сколько людей действительно поддерживает позицию депутатов, образующих в парламенте большинство по тому или иному вопросу; позиция избирателя и позиция избранного им депутата может отличаться, для того и нужен «институт лидерства», избиратель высказывает лишь принципиальное доверие политической ориентации той или иной партии (неконкретизированность общественного мнения – это вполне нормально), а поскольку политика есть сфера компромиссов, избиратель не вправе ссылаться на то, что ему не по душе ни одна из партий. Строгую партийную дисциплину при голосовании (при сохранении свободной дискуссии внутри самой партии) и сосредоточение реальной власти в правительстве Радбрух оценивает как сами по себе допустимые явления, если они не нарушают господство избранной народом общей системы политических ценностей, а обеспечивают ее (и поскольку депутат избирается народом как представитель партии, имеющей определенную политическую ориентацию, то исключение лица из партии, по Радбруху, вполне может быть основанием для лишения депутатского мандата). Вообще даже если руководство

---

³³ См.: Klein M. D. Op. cit. S. 203–207.

³⁴ См.: Радбрух Г. Законное неправое и надзаконное право // Радбрух Г. Философия права. С. 238.

³⁵ См.: Klein M. D. Op. cit. S. 208–212.

партии преследовало бы исключительно свои корыстные интересы, то оно в любом случае должно было бы: 1) агитировать избирателей определенной системой политических убеждений и следовать этим убеждениям, в том числе проецировать их на новые проблемы, под риском непереизбрания партии на следующих выборах; 2) рекрутировать новых членов этими же убеждениями, в результате чего в рядах самой партии именно идеология, а не корыстные интересы стала бы решающей. В итоге идея для партии объективно стоит выше эгоизма отдельных лиц³⁶.

В чем Г. Радбрух действительно видит проблемы, так это в манипулировании мнениями и чувствами масс, в необеспечении реальной возможности участия граждан в избирательном процессе, в несовершенстве разделения избирательных округов и системы распределения мест в парламенте (таким образом, в этой части аргументы П. И. Новгородцева остаются в силе, но они не касаются непосредственно идеи демократии). Дополним, что эти проблемы имманентны самой демократической системе, ведь раз попавшие во власть люди сделают все, чтобы там остаться, и не всегда заинтересованы в совершенствовании демократических институтов и свободы массмедиа. Выступая против господства крупного капитала за фасадом республики, в своих ранних работах Радбрух акцентирует внимание на том, что только социализм может предотвратить такую опасность и помочь демократической идее реализоваться³⁷, но впоследствии смягчает свою позицию, утверждая, что социализм и демократия не связаны напрямую³⁸.

Не соглашаясь с точкой зрения, что в Веймарской республике налично кризис парламентаризма, Радбрух вместо этого предлагает говорить о кризисе парламентариев, т. е. о неспособности партий идти на взаимный компромисс³⁹. Но, как представляется, сама возможность непоследовательной государственной политики ввиду отсутствия фракционного большинства в парламенте демонстрирует сущностный недостаток парламентаризма (стабильность наиболее вероятна лишь при двухпартийной системе), и не следует затушевывать данный факт словесными уловками. Не случайно Радбрух пишет, что демократия – это не господство большинства, а господство фюрера, осуществляемое с одобрения парламента, избранного большинством. Кроме того, в период после Второй мировой войны он не только выступает в поддержку двухпартийности, но и указывает на то преимущество мажоритарной избирательной системы, что она обеспечивает стабильность государственного управления, так

³⁶ См.: *Радбрух Г.* Философия права. С. 74–75.

³⁷ См.: *Heiss G.* Sozialistischer Konformismus. Vollendeter Staat und Anmut des Rechts bei Gustav Radbruch // *Rechts- und Staatsphilosophie der Relativismus. Pluralismus, Demokratie und Rechtsgeltung bei Gustav Radbruch.* Baden-Baden, 2011. S. 181.

³⁸ См.: *Henkel M.* Zur Systematik der Rechts- und Staatsauffassungen bei Gustav Radbruch // *Rechts- und Staatsphilosophie der Relativismus. Pluralismus, Demokratie und Rechtsgeltung bei Gustav Radbruch.* Baden-Baden, 2011. S. 124.

³⁹ См.: *Klein M. D.* Op. cit. S. 259–275.

как народ прямо решает, какая партия должна править (хотя однопартийность все же недопустима)⁴⁰. Наконец, нельзя не заметить некоторого романтизма в позиции Радбруха: действия партий в парламенте, как замечал К. Шмитт, напоминают скорее калькуляцию интересов и сил, чем дискуссию или выражение ценностных ориентаций, а с помощью пропаганды и других средств эта сторона оказывается непрозрачной для избирателей⁴¹.

Таким образом, Г. Радбрух отстаивает идею «партийного государства», т. е. идею демократии не как максимального самоуправления народа, а лишь как способа выбора ценностной ориентации в политико-правовой сфере. Каждая партия вправе утверждать, что она способствует благу народа (целесообразна), но только народ решает, какая партия ему ближе. При этом необходимо обеспечить не только выражение ценностей народа, но и стабильность и работоспособность государственного механизма.

Подобно П. И. Новгородцеву, Г. Радбрух обращается к идее социального либерализма: «Это интеллектуальное течение, – пишет немецкий философ, – обязано своим появлением критике политического и гражданского равенства при социальном и экономическом неравенстве... Эта критика лишь формально-юридического равенства означает, наконец, критику изолированного и лишённого индивидуальности (абстрактного) индивида, служащего моделью для «демо-либеральных» взглядов. Она стимулирует ориентацию государства и права на конкретного и «общественного» индивида, то есть не на индивидуальность каждого»⁴². Но не ведет ли обратная тенденция к чрезмерному превалированию равенства над свободой? В научной литературе позиция Радбруха критиковалась с тех позиций, что она ведет к вытеснению частного права – публичным, уравнивающей справедливости – распределяющей, гражданского общества – государством⁴³.

В зарубежной литературе высказано мнение, что учению Радбруха не хватает прояснения взаимосвязей партий и правительства, партий и других союзов, парламентских и внепарламентских политических процессов⁴⁴. Кроме того, справедливо отмечается, что партии часто различаются скорее программой действий, чем мировоззренческими позициями⁴⁵.

Со своей стороны отметим, что Г. Радбрух так и не обосновал правильность демократии: из того что существуют различные и в конечном счете

---

⁴⁰ См.: Klein M. D. Op. cit. S. 285–288.

⁴¹ См.: Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (о противоположности парламентаризма и демократии) // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 2. С. 9.

⁴² Радбрух Г. Философия права. С. 80.

⁴³ См.: Seelmann K. Sozialismus und soziales Recht bei Gustav Radbruch. 1973. S. 122.

⁴⁴ См.: Klein M. D. Op. cit. S. 234.

⁴⁵ См.: Henkel M. Op. cit. S. 128.

равно недоказуемые ценности, еще не следует, что те ценности, которые следует положить в основу государственной политики, должно определять большинство (при всей, казалось бы, логичности этого тезиса).

Кроме того, взгляды Г. Радбруха не позволяют четко определить, относится ли демократия к индивидуалистическим ценностям либо она обеспечивает проявление любых ценностей. Сам философ права пишет, что демократия имеет в своей основе релятивизм целей и обозначает поддержку любой политической целесообразности (индивид, нация или культура как высшие ценности), разделяемой большинством. Релятивизм есть готовность к борьбе, но одновременно к толерантности, к обеспечению (в том числе для меньшинств и обездоленных слоев) базовых демократических свобод (слова, совести, прессы) и справедливости. Релятивизм, следовательно (по крайней мере, в некотором аспекте), есть поддержка демократии, либерализма и социальной политики (а также, поясняет Г. Радбрух, правового государства и разделения властей). Не становится ли тогда релятивизм на сторону индивидуализма? По всей видимости, ученый так не считает, и различные концепции целесообразности влияют как минимум на то, будут ли предоставлены индивиду (определенные мнением большинства или по иным критериям) другие свободы, помимо базовых политических, либо индивид лишится их во имя национальных, религиозных и других интересов. Между тем в научной литературе встречается мнение, что после 1945 г. Г. Радбрух отстаивал только индивидуалистическую позицию⁴⁶, и осмысление нацистского режима заставило его сгладить радикальный релятивизм⁴⁷.

В принципе, релятивизм Г. Радбруха изначально не касался основных элементов идеи права и выражался только в относительности выбора между индивидуальным, коллективным и трансперсональным (аспект целесообразности). Релятивизм у Радбруха – это вполне определенная «система систем возможных ценностей». Этим взгляды мыслителя отличались от крайнего релятивизма, имевшегося в вопросе справедливости у Г. Кельзена, М. Вебера и Г. Риккерта⁴⁸. В одном из эссе Г. Радбрух, в частности, пишет: «Если законы сознательно попирают волю справедливости, например, предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них исключительно по произволу, то в этих случаях подобные законы недействительны, народ не обязан подчиняться им, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовой характер»⁴⁹.

⁴⁶ См.: *Wapler F. Wertrelativismus und Positivismus. Theoretische Grundlagen der Rechts- und Staatsphilosophie Gustav Radbruchs // Rechts- und Staatsphilosophie der Relativismus. Pluralismus, Demokratie und Rechtsgeltung bei Gustav Radbruch. Baden-Baden, 2011. S. 54–55.*

⁴⁷ См.: *Бігун В. С. Густав Радбрух – видатний німецький філософ права // Проблеми філософії права. Київ-Чернівці, 2004. Т. 2. С. 39.*

⁴⁸ См.: *Tjong Z. U. Der Weg des Rechtsphilosophischen Relativismus bei Gustav Radbruch. Bonn, 1967. S. 53.*

⁴⁹ *Радбрух Г. Пять минут философии права // Радбрух Г. Философия права. С. 226.*

В «Началах философии права» ученый утверждает, что независимость судей и право на защиту – это абсолютное требование справедливости⁵⁰. Таким образом, некоторые правовые установления не должны зависеть от демократического выбора.

Проблема усугубляется тем, что ученый, будучи одновременно политиком, не пояснял, где заканчивается его научная разработка (Erkenntnis) и начинается личная вера в некоторые ценности (Bekanntnis). Представляется, что социализм был личной верой Г. Радбруха, выражением его индивидуалистической позиции, а требование демократии (как выражения толерантности по отношению к различным ценностям) виделась ученому прямым следствием релятивизма, не относящимся к конкретной категории ценностей.

Релятивизм (это признавал и сам Г. Радбрух в работе «Der Relativismus in der Rechtsphilosophie»), хотя и отрицает абсолютный правовой идеал, но предоставляет нам взамен целую систему безусловных правовых принципов (демократия, либерализм, социализм, правовое государство, разделение властей и др.), выражающих основные универсальные (транскультурные и надпозитивные) права человека. После 1945 г. Г. Радбрух более не поднимал тему выведения указанных правовых принципов из правового релятивизма, но вопрос, остался ли в эти годы ученый сторонником релятивизма, остается дискуссионным⁵¹.

Итак, несмотря на различия во взглядах на роль и значение демократии, П. И. Новгородцев и Г. Радбрух внесли значительный вклад в обоснование идеи прав человека: Новгородцев показал, как демократия эти права может игнорировать, а Радбрух – как она эти права защищает. Поднимаемые учеными проблемы реализации демократической идеи и в настоящее время сохраняют свою актуальность и не могут игнорироваться.

---

⁵⁰ См.: Radbruch G. Vorschule der Rechtsphilosophie. Göttingen, 1947. S. 27.

⁵¹ См.: Schumacher B. Rezeption und Kritik der Radbruchschen Formel. Göttingen, 1985. S. 12–13.